

Священномученик Александр Миропольский, пресвитер

Дни памяти:

6 июля

4 февраля (переходящая)

15 октября (переходящая)

Сщ.мч. Александр Миропольский

Священномученик Александр родился в 1847 году в семье диакона Степана Гурьевича Миропольского, служившего в Покровском храме в селе Белая Гора Чистопольского уезда Казанской губернии. Начальное образование Александр получил в духовном училище, где учителя говорили ему, что он имеет исключительные способности к изучению языков, и советовали ему поступать в университет; как способному ученику, они усердно преподавали ему французский и немецкий языки. По окончании училища Александр поступил в Казанскую Духовную семинарию и, проучившись в ней некоторое время, принял твердое решение стать священником. Учась в семинарии, он присмотрел себе и невесту, предполагая сразу по выходе из семинарии жениться. В 1868 году Александр окончил Духовную семинарию и отправился домой. В это время туда же приехал его брат-священник, служивший в селе Новотроицком, и пригласил его к себе погостить. Александр

согласился, тем более что и предполагаемая невеста жила недалеко от тех мест. По дороге они заехали к благочинному, но дома его не застали; здесь хозяйствовала его сестра, Евгения, так как сам благочинный был вдов. Брат спросил Александра: «Не посватать ли нам за тебя сестру благочинного?!» – «И вот как бы какой-то туман покрыл мою голову, – вспоминал он впоследствии, – и я бессознательно отвечал: как хотите...» Отец Евгении служил священником в храме в селе Апазове Казанского уезда в приходе, состоявшем в основном из крещеных татар. Заручившись его согласием, Александр отправился к архиепископу Казанскому Антонию (Амфитеатрову) просить место священника и, получив его, женился и был рукоположен во священника ко храму в селе Александровское Чистопольского уезда.

Но прослужил он здесь недолго. В 1871 году тяжело заболел его тесть, и, когда отец Александр приехал навестить больного, тот стал его уговаривать перейти на его место, так как он собирается уходить за штат по болезни. Отец Александр не хотел переходить в село, где жило много мусульман, и многие уже крещеные татары снова перешли в мусульманство. Но было трудно отказать тестю, которого отец Александр искренне любил, он – согласился и написал прошение, но с большими оговорками, так что в тот момент был почти уверен, что ему откажут. Тесть, прочитав прошение, встал на колени перед иконой Спасителя и молился перед ней с такой верой, что отец Александр, бывший тут же, понял, что Господь эту молитву услышит. И действительно, вскоре он был переведен в Покровский храм в село Апазово, где прослужил большую часть жизни. Хотя отец Александр знал татарский язык в совершенстве, местные крещеные тартары с неудовольствием приняли его, так как в это время среди них началось движение за назначение в приходы священников из татар, а отец Александр был чисто русским. В начале своего служения он был назначен увещателем отпадших, а затем и окружным миссионером. Впоследствии он был возведен в сан протоиерея.

В 1881 году отец Александр овдовел и, оставшись с двумя малолетними дочерьми, он принял решение, пристроив дочерей, принять монашество, но явившийся ему во сне отец Иоанн Кронштадтский посоветовал взять в дом девочку-сироту и продолжать служить в том же селе. Священник так и сделал, и впоследствии она стала большой ему помощницей.

«В 1881 году... более двухсот душ отпало... в мусульманство, – писал отец Александр. – Я немного пал... духом и хотел уйти в другой приход; но предварительно пошел в церковь, помолился и о намерении писать прошение после литургии забыл... Я продолжал служить и работать, насколько мог... Слава Богу, в 1883 году мои отступники все возвратились

в православие, и я еще более ожил духом. Однако же меня стала чаще беспокоить мысль, почему это школа производит малое влияние на инородцев, которые продолжают стремиться в мусульманство. Я начал заглядывать повнимательнее в учебники и пособия. Оказывается, учебники по Закону Божию составлены пусто и темно, а еще хуже пособия... Меня это поразило. Я написал об этом доклад... что таковое содержание книжек составляет сеяние не пшеницы, а плевел...»^[1] «В 1887 году я убедился, что миссионерские курсы при академии приносят больше вреда, чем пользы, ибо там, не преподавая необходимых сведений о христианстве, весьма подробно выясняли учение Мухаммеда, без сопоставления его с христианским – а от сего крещенные инородцы-курсисты отатаривались. Я, как миссионер архиепископа, написал ему о том доклад, который сдан был владыкою на рассмотрение Совета академии и для составления новой программы для курсов, о чем я просил владыку...»^[2]

В 1900 году отец Александр был назначен служить в Троицкий собор в городе Мамадыш, где в 1905 году в связи с революционными волнениями у него начались неприятности, – мамадышская интеллигенция стала упрекать его в устарелости и отсталости его взглядов, найдя поддержку в своих суждениях и среди местного духовенства; в результате создалась невозможная для отца Александра обстановка в городе, и он попросил архиерея перевести его на старое место, но архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин) предложил ему вместо этого поступить без вступительных экзаменов, как человеку пенсионного возраста, в Казанскую Духовную академию, куда отец Александр и был принят в 1906 году.

Он имел право прослушивать все лекции, пользоваться академической библиотекой, но, как не сдававший вступительных экзаменов, не имел права писать семестровые работы, сдавать экзамены и переходить с курса на курс. Однако, выслушав весь курс преподаваемых в академии предметов, он мог получить удостоверение, что в течение четырех лет прослушал академический курс по выбранному им отделению. Отец Александр выбрал отделение миссионерское. Он мечтал, прослушав курс академии, вооружиться новыми знаниями и послужить еще Церкви Христовой на миссионерском поприще. Оценив вполне за свою долгую жизнь важность знаний, он за четыре года не пропустил ни одной лекции, первым приходил в аудиторию и последним уходил из нее, а все свободное время проводил в библиотеке. Он был самым усердным богомольцем и священнослужителем академического храма. Являя собой образец исправности в исполнении своего послушания, он к тому же призывал и своих однокурсников, которые по возрасту годились ему во внуки. И когда, бывало, студенты

не приготовят вовремя учебную работу, протоиерей Александр мягко им замечал: «Эх, молодые люди... Вам погулять все хочется, вот дело то и стало... а ведь жизнь не ждет... В жизни придется волей-неволей быть аккуратными, вот и надо бы приучаться к этому в академии. Ведь потом, небось, других учить этому будете»^[3].

Оканчивая академию, он стал размышлять, какое выбрать место служения. Один из учившихся с ним студентов предложил ему поехать в Екатеринбургскую епархию, откуда сам был родом, а кроме того, там проживало много мусульман, а отец протоиерей был известен как опытный противомусульманский миссионер.

Отец Александр последовал его совету и в 1911 году был направлен служить в Успенский храм Каслинского завода Екатеринбургской епархии. 22 декабря 1912 года он был назначен епархиальным миссионером.

«В течение всей моей 44-летней службы, – писал отец Александр, – все передвижения мои с места на место были под руководством Промысла Божия, который... направлял службу мою на миссионерское служение инородцам. Даже супружество мое состоялось не по моему выбору, а как будто по случайности, приведшей меня в село Апазово. Даже и то обстоятельство, что, несмотря на мои усердные труды в Духовной академии, мне не дали формально ученой степени, послужило к тому, что я теперь служу “инородцам”... Да будет же святая воля Господа Бога моего... до конца дней моих...»^[4]

Делясь с собратьями богатым опытом на поприще миссионерской деятельности, отец Александр писал: «Наша довольно продолжительная, пастырская и миссионерская деятельная практика дала нам возможность убедиться в том, где и в чем скрывается условие успеха... Итак, любовь – любовь не на словах, в виде учения Христова, но любовь – жизнь Христова в нас – крайне необходима для успехов в пастырской и миссионерской деятельности. Только жизнь любви в пастырях и пасомых может обновить приходскую жизнь и “восстановить приход”, раздираемый самолюбием тех и других»^[5].

Через несколько лет после принятия в 1906 году закона о свободе совести, все воочию смогли наблюдать его отрицательное влияние на нравственное состояние общества. «Совесть человека есть зеркало жизни его, – писал отец Александр, – догреховная она была совокупностью совершенств, отпечаток образа и подобия Божия – а греховная она стала отпечатком нравственного уродства сердца человеческого, “сознанием” своих самолюбивых, чувственных страстей и пороков. “Свобода” таковой “совести” должна быть всемерно ограничиваема и утесняема...

Всякая ли “совесть” должна в одинаковой степени пользоваться “свободой” проявления своего внутреннего содержания и всякая ли религия может пользоваться свободой воспитания своих исповедников? Нельзя же сравнить в правах пользования “свободой” христианства, проповедующего любовь ко всем, и мухаммеданства, проповедующего ненависть к врагам и убийство иноверцев. Можно теперь понять и то, какая великая ошибка кроется в даровании “свободы” вероисповеданий. Не свобода здесь нужна, а лишь веротерпимость»^[6]. Но свобода для развития всякого рода греха расширилась, захватывая все большие слои народа, и в конце концов завершилась разбоем. В первый раз семидесятилетний старец был арестован в конце 1917 года за распространение религиозно-нравственных книг на татарском языке. Только после удостоверения татар, что в книгах нет ничего контрреволюционного, совет рабочих депутатов освободил священника. Вторично протоиерей Александр был арестован красногвардейцами 22 июня 1918 года и в ночь на 23 июня – расстрелян^[7]. Палачи, не удовлетворившись расстрелом, нанесли ему несколько столь сильных ударов, что лицо его обезобразилось до неузнаваемости, в боку зияла страшная рана, одна нога была сломана и проколота ступня, «и в конце концов [его], связанного по рукам, бросили в яму»^[8]. Тело пастыря-мученика было найдено после ухода из селения красногвардейцев. 7 июля 1918 года в Успенском храме Каслинского завода состоялось отпевание протоиерея Александра Миропольского и священников Петра Беляева и Петра Смородинцева и двадцати семи мирян.

Пострадавшие от безбожных властей священномученики были погребены около Успенского храма^[9].

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь».
Тверь. 2008. С. 415–419

Примечания:

- ^[1] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 37. С. 886-887.
^[2] Там же. № 38. С. 913.
^[3] Известия Екатеринбургской Церкви. 1918. № 16. С. 309-310.
^[4] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1912. № 39. С. 943.
^[5] Там же. № 48. С. 1149, 1152.
^[6] Там же. № 41. С. 978-980.
^[7] ОГАЧО. Ф. И-226, оп. 20, д. 291, л. 268 а.
^[8] Известия Екатеринбургской Церкви. 1918. № 16. С. 291.
^[9] Там же. С. 289-294.

Священномученик Петр Беляев, пресвитер

Дни памяти

[17 июня](#)

[4 февраля](#) (переходящая)

[15 октября](#) (переходящая)

Священномученик Петр – Петр Васильевич Беляев – родился в 1874 году. Окончив Владимирскую Духовную семинарию, он был в 1895 году назначен псаломщиком в храм Успения Пресвятой Богородицы в селе Карачарово Владимирского уезда^{[a][1]}, а в 1897 году рукоположен во священника.

В 1904 году отец Петр служил в Казанском храме Казанской женской общины в Каслинском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии^[b]. 17 августа 1905 года он был перемещен в Успенскую церковь в Каслинском заводе^[2]. Среди прихожан он вскоре стал известен как труженик, который с терпением и любовью несет пастырский крест.

В сентябре 1905 года отец Петр был назначен заведующим Каслинским башкирским приютом. Приют для детей башкир был открыт в 1891 году, но в 1901 году за неимением учеников закрыт. В 1904 году по инициативе епископа Екатеринбургского и Ирбитского Владимира (Соколовского-Автономова) приют был вновь открыт. Епархиальное руководство поставило перед учителями задачу обучить детей башкир-мусульман русской грамоте, чтобы приобщить их к русской культуре и русской гражданственности и расположить тем самым к принятию православия. Но эта задача уже тогда была трудно

исполнима: к этому времени русская культура сама была в значительной степени обмирщена, имея невоцерковленных делателей и испытывая на себе сильнейшее иностранное влияние, а русская государственность давно находилась под немецким влиянием; и, таким образом, приобщение инородцев к «русской культуре» выводило их не на узкий путь к православию, а на широкую дорогу европейского безбожия. Однако некоторых успехов отцу Петру и его единственному помощнику учителю-миссионеру все же удалось достичь, и в 1907 году священник был награжден «за успехи по церковно-школьному делу»^[3]. Одновременно отец Петр преподавал Закон Божий в Каслинской церковно-приходской женской школе. В 1905 году за ревностное отношение к церковно-школьному делу и аккуратное и плодотворное исполнение своих обязанностей он был отмечен в епархиальном отчете^[4]. В 1915 году отец Петр состоял членом Миссионерского комитета по Каслинскому заводу^[5].

В Великую Среду 18 апреля (1 мая) 1918 года большевики устроили в Каслинском заводе атеистический митинг. Множество ораторов в своих речах яростно нападали на Православную Церковь и ее священнослужителей и с бранью поносили их. В ответ не поднялось ни одного голоса в защиту Матери Церкви. Безмолвная толпа в каком-то параличе воли внимала поношениям и кощунствам, едва ли даже сознавая, что тем самым она сама участвует в них, присоединяясь к распинателям Христовым.

Спустя несколько дней после митинга, на второй день Пасхи, 23 апреля (6 мая), состоялся крестный ход из всех каслинских церквей к часовне святого великомученика Георгия Победоносца. По описаниям церковной прессы, история его происхождения была такова: «Несколько лет тому назад... завод был посещен страшным бедствием, в... день святого великомученика Георгия завод сгорел наполовину. Жители это бедствие приписали гневу Божию за то, что они в этот день работали, и впредь установили этот день праздновать; в память же события построили каменную часовню в честь великомученика Георгия, к которой ежегодно совершается крестный ход. В первые годы крестный ход совершался из всех церквей, но с течением времени этот благочестивый обычай был оставлен и крестный ход совершался только из главного заводского храма Успения Божией Матери»^[6]. 23 апреля (6 мая) народ пошел в церкви и шел «сплошной волной. Храмы, несмотря на свою большую вместимость, едва вмещали молящихся. По окончании литургии крестный ход с прибывшими крестными ходами из других церквей двинулся к часовне... Лес хоругвей, блестящих на солнце, духовенство в светлых облачениях и многотысячная, молитвенно настроенная масса народа... Глядя на многотысячную массу, становилось

радостно на душе: народ не забыл Бога и Церковь и праздновал... праздник праздников. Несмотря на холодную погоду, крестный ход собрал не менее пяти тысяч народа»^[7].

Но эта приверженность вере и Церкви, к сожалению, оказалась лишь внешней, – над этими людьми сбылось слово Христово, Который сказал о таковых: «когда настает скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются» (Мф.13:22). И, когда вновь воскурилась злоба бесовская и ожесточились гонения, никто из тех пяти тысяч не вступился за своего пастыря, прослужившего немало лет в Каслинском заводе. 3 июня 1918 года отец Петр отслужил литургию и, совершив в храме отпевание почившего прихожанина, проводил погребальную процессию до кладбища. В это время из разных мест стали раздаваться звуки перестрелки между красногвардейцами и отрядом местного народного ополчения. Вскоре после возвращения с кладбища священник был арестован. Прощаясь с родными и уже догадываясь об уготованной ему Богом мученической кончине, он был совершенно спокоен. Господь укреплял его Своей благодатью; отдавая последние распоряжения, он попросил родных передать всем, кому он вольно или невольно принес огорчение, чтобы простили его. Отец Петр был расстрелян почти сразу же после ареста, в ночь на 4 июня в штабе красногвардейцев в Каслинском заводе^[8].

От пришедшей наутро узнать судьбу мужа супруги священника большевистские власти скрыли, что ее муж расстрелян, заявив, что его увезли в Екатеринбург. Тело замученного пастыря было найдено через несколько дней после освобождения Каслей от большевиков. 7 июля в Каслинском заводе состоялось отпевание и погребение убитых большевиками. Вместе с отцом Петром отпевали протоиерея Александра Миропольского и иерея Петра Смородинцева^[c] и двадцать семь убиенных мирян. Накануне вечером в Успенском храме, где служил отец Петр, была совершена заупокойная всенощная, а наутро – литургия. Современник так описывал эти события: «Народу собралось много, каждый хотел проститься с почившими. Духовенство облачилось в белые облачения, народ поднял иконы и хоругви и с пением “Волною морскою...” двинулись ко гробам. Ясный солнечный день благоприятствовал процессии, хоругви ярко блестели на солнце, с церковью неся красный звон... На каждом проулке процессия встречала и принимала новых богомольцев, которые издали уже молились, увидев лес хоругвей, отражающих лучи солнца и разбрызгивающих блеск в различные стороны... А хор поет: “Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою...” И эти слова являлись как бы вздохом не единичных личностей, а всей массы народа, которая достигла до десяти тысяч... Около церкви процессия была встречена большой толпой

народа. Гробы мирян были поставлены в ограде на приготовленные помосты, а гробы священников были внесены в церковь и поставлены рядом с гробом отца Петра Беляева... Церковь была переполнена народом, и продолжительное отпевание было совершено под несмолкаемые рыдания молящихся... Вот Царские ворота отворились и священноцерковнослужители вышли ко гробам, хор запел: “Помощник и покровитель...” и процессия двинулась вокруг храма под звон всех церквей, и через несколько минут над могилой погибших мучеников-иереев возвышался могильный холм близ правой стены главного алтаря...»^[9]

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь». Тверь. 2008. С. 17-21

Примечания

- ^[a] Ныне Собинский район.
- ^[b] Ныне город Касли Челябинской области.
- ^[c] Священномученики Александр (Миропольский) и Петр (Смородинцев); память 23 июня/6 июля.
- ^[d] Владимирские епархиальные ведомости. 1895. № 21. С. 500.
- ^[e] Справочная книжка Екатеринбургской епархии за 1904 год. С. 71. / Справочная книжка Екатеринбургской епархии за 1915 год. С. 38. / Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1905. № 17. С. 450.
- ^[f] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1907. № 7. С. 73.
- ^[g] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1905. № 24. С. 593.
- ^[h] Справочная книжка Екатеринбургской епархии за 1915 год. С. 9.
- ^[i] Известия Екатеринбургской Церкви. 1918. № 10. С. 183.
- ^[j] Там же.
- ^[k] ОГАЧО. Ф. И?226, оп. 20, д. 291, л. 268.
- ^[l] Известия Екатеринбургской Церкви. 1918. № 15. С. 289–293.

Священномученик Петр Смородинцев, пресвитер

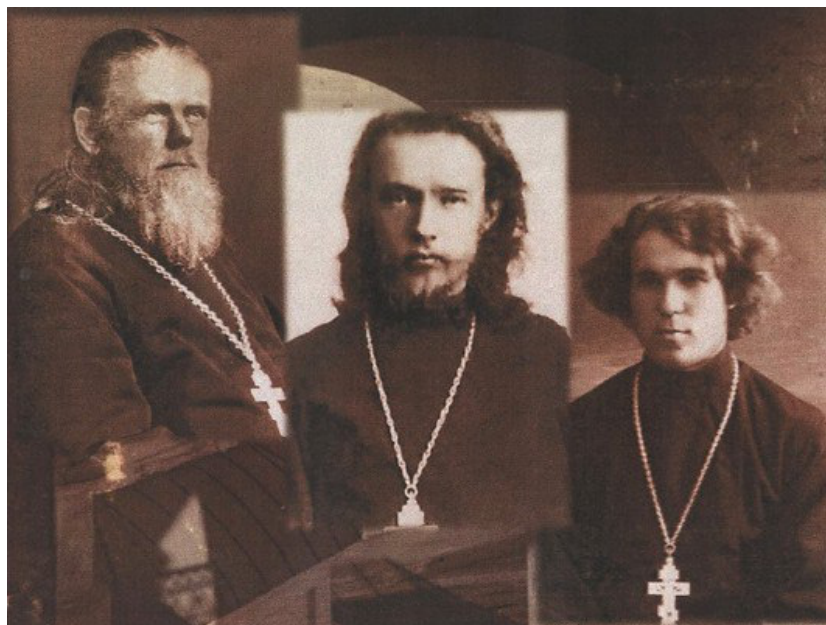
Дни памяти

[11 февраля](#)

[6 июля](#)

[4 февраля](#) (переходящая)

[15 октября](#) (переходящая)

Священномученик Петр – Петр Семенович Смородинцев – родился в 1866 году; он поступил в Пермскую Духовную семинарию, но в 1880 году вышел из 1 класса семинарии; в 1885 году Петр был назначен псаломщиком в храм в честь бессребреников Космы и Дамиана в село Юшковское Екатеринбургского уезда Пермской губернии^[1], а в 1899 году – рукоположен во диакона к этому храму.

16 марта 1906 года диакон Петр был переведен в Вознесенскую церковь в Верхне-Уфалейском заводе Екатеринбургского уезда, а 12 апреля того же года назначен диаконом в Свято-Троицкую церковь в село Бруснятское того же уезда^[2]. В 1908 году он был рукоположен во священника ко храму Рождества Пресвятой Богородицы в селе Краснополье Верхотурского уезда Пермской губернии^[3]. Отец Петр был человеком, обладавшим большими практическими способностями, и его тогда увлекли идеи облегчения крестьянского труда и благоустройства крестьянского быта. Он построил в селе Юшковское паровую мельницу, провел в дома электричество, оборудовал ремонтную мастерскую, и в результате село превратилось почти в автономный промышленно-сельскохозяйственный комплекс, где крестьяне сами обеспечивали себя почти всем необходимым. Отца Петра также интересовали вопросы материальной независимости

крестьян, и он положил начало местному кооперативному движению и создал кредитное общество, став его председателем. Множество обязанностей, лежащих в хозяйственной области, стали в конце концов целиком поглощать его время, это становилось несовместимо с пастырским служением, и в 1917 году он вышел за штат. Однако оставление службы Божией его не устроило, и в 1918 году, незадолго до праздника Троицы, он в соответствии со своим прошением был назначен в храм Иоанна Предтечи в село Кочневское. Отец Петр отслужил здесь в сам праздник и в Духов день, а затем отправился домой в село Юшковское, где жили его родные, чтобы сдать все дела по своим мирским, хозяйственным должностям. Приехав домой, он едва успел выпить стакан чая, как был арестован пришедшими за ним красногвардейцами и отправлен в Касли. Прощаясь с родными, он всех благословил и сказал: «Живите с Богом, а мне уже не видеться с вами!» Присутствовавшая здесь сестра священника хотела было возразить, но отец Петр уверенно подтвердил, что видятся они в последний раз. По приезду в Касли большевики приговорили его к расстрелу, и он вместе с протоиереем Александром Миропольским был увезен за пятнадцать верст от Каслей и вблизи речки Горькой, 23 июня 1918 года, расстрелян^[4]. Впоследствии, при приходе белых он был опознан лишь по подряснику: голова его была разбита в черепки топором или кайлом, а на теле обнаружены две огнестрельные раны.

Священник Петр Смородинцев был погребен в Каслях рядом с Успенским храмом вместе с убитыми протоиереем Александром Миропольским и священником Петром Беляевым^[5].

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь».
Тверь. 2008. С. 420-421

Примечания

- ^[1] Справочная книжка Екатеринбургской епархии за 1904 год. С. 113.
Справочная книжка Екатеринбургской епархии за 1915 год. С. 65.
^[2] Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1906. № 6-7. С. 100. № 8. С. 113.
^[3] Там же. 1908. № 10. С. 116.
^[4] ОГАЧО. Ф. И-226, оп. 20, д. 291, л. 268.
^[5] Известия Екатеринбургской Церкви. 1918. № 16. С. 289-294.

Любовь – сущность христианства

Глава 2

Бог есть Любовь

Приступая к изложению суждений о любви и самолюбии с религиозной точки зрения, мы считаем необходимым дать насколько возможно ясное понятие о Боге, Который есть вечное Бытие, Жизнь и единственный Источник жизни, Первопричина всякого бытия во вселенной. При этом мы не будем возбуждать вопроса о бытии Божиим вообще, а потому и доказательств бытия Его не будем приводить, ибо самое бытие и жизнь всего существующего во вселенной служит явным доказательством существования Бога – Источника жизни. Кроме того, Божественное Откровение и вера в бытие Божие всех народов мира служат несомненным доказательством этого – разве только безумный скажет, что «нет Бога» (Пс. 13:1, 52:2).

Мы постараемся изложить здесь самые доступные разуму понятия о Божестве, Его жизни и свойствах, заимствованные нами из книг Божественного Откровения и учения Свв. Отцов.

Нам кажется, что самое верное, доступное для человека богопознание могут дать нам имена Божии, которыми Он именуется в писаниях свв. пророков и особенно во Св. Евангелии Христа Спасителя, ибо Евангелие есть слово воплотившегося Сына Божия, Который говорит: «Никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца никто не знает, кроме Сына, и кому хочет Сын открыть» (Мф. 11:27). И еще: «Бога никто не видел нигде, Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18).

Однако же Святая Церковь Христова исповедует, что и через пророков говорил Дух Божий и Слово Его по воле Отца Бога. А потому и через пророков данное богопознание так же истинно, как истинно боговедение, принесенное человечеству Сыном Божиим, Иисусом Христом.

Имена Божии, если человек стремится познать Бога, имеют важное значение, потому что в них выражаются свойства жизни непостижимого для нас Существа Божия.

Правда, относительно Божества мы должны помнить, что никакое наименование Его не может полностью выразить Существа Его и свойств жизни Его. Тем не менее человечество – особенно свв. пророки и другие угодники Божии – по внушению Духа Святого, давало Ему имена, сообразные проявлениям свойств и совершенств жизни Его.

Кроме того, Сам Бог открывал свойства Своей жизни человеку, давая им понятные наименования. Так, говоря с пророком Моисеем, Бог назвал Себя словом «Сый», т.е. «Сущий»(Исх.3:14); пророку Исаии было сказано то же (см. Ис. 1:24). Бог именовал Себя Премудростью, Разумом, Всемогущим (см. 1Цар. 1:11), Творцом всего сущего (см. Быт. 1и далее), Господом разумов (см. 1Цар. 2:3). Кроме того, Бог называл Себя словом «Элогим» (Быт. 1:1), что значит могущественный, достопоклоняемый; «Эльшаддай» (Быт. 17:1) – сильный, крепкий; «Иегова»(Исх. 3:14–15) – вечный; «Адонай» (Быт. 15:2, 8; Втор. 3:26) – Господь, Судья, Управитель.

В Новом Завете Бог

именуется «Духом» (Ин. 4:24), «Светом» (Ин. 1:9), «Царем веков» (1Тим. 1:17); «Отцом духов» (Евр. 12:9); «Истиною» (Ин. 14:6); «Вездесущим» по области жизни (Ин. 3:8); «Любовью» (1Ин. 4:8); «Богом любви»(2Кор. 13:11).

Называние Бога словом «Любовь» требует особенно внимательного рассмотрения, ибо нужно уразуметь, в чем состоит сущность любви и как она проявляется, будучи свойством Существа Божия.

Как мы уже знаем, Бог по Существу Своему есть Дух бесплотный, невещественный, «исполненный всяких совершенств» (см. Кол. 3:14). Одно из существенных свойств Духа Бога составляет стремление Его к самооткровению, самопреданности¹. И вот стремление Божественной полноты совершенств к самооткровению и самопреданности именуется любовью и вместе составляет жизнь Божества, и самая любовь именуется полнотой совершенств (см. Кол. 3:14) и средоточием всех добродетелей (1Кор. 13:1–3).

Митрополит Московский Филарет говорит: «Бог есть Любовь и самое ее существо; все Его свойства обличают ее, а все действия суть ее выражение».

Стремление Божества к полному проявлению всей совокупности Своих свойств и совершенств от вечности порождает Слово Сына, Который является всесовершенным образом и подобием Бога Первоисточника, именуемого Отцом. Кроме того, от Отца исходит как бы нравственный облик Божественной жизни любви Отца и Сына – Дух Святой. Он, будучи Единосущным Отцу и Сыну, не только не нарушает порядка жизни Божества, но, содействуя стремлениям Отца, подает всему жизнь и проявляет всю полноту совершенств Отца.

Это составляет внутреннюю жизнь Самого Триипостасного Бога. Так, Бог Отец дает бытие Сыну (см. Ин. 5:26); Он «любит Сына и показывает Ему все, что творит» (Ин. 5:20). Сын – возлюбленный Его, в Нем благоволение Его (см. Мф. 17:5). «Отец любит Сына и все отдает

Ему» (см. Ин. 3:35). Отец любит Сына – это значит, что на Нем первоначально сосредоточено всецелое стремление Существа и жизни Отца к самопроявлению в Нем, а потому Сын есть существенный образ и подобие Отца.

Правда, в Священном Писании любовь – свойство Отца, благодать усваивается Сыну, а общение – Духу Святому. Но это суть проявления одной и той же любви. «Если Бог именуется любовью, значит жизнь Его состоит в стремлении к самопроявлению и самопреданности, а наименование Его Духом указывает на Существо Его, или на природу. Жизнь Божества по преимуществу состоит в любви, ибо жизнь в сердце, а деятельность сердца – любовь; в ком нет любви, в том чувство омертвело и там нет жизни»². Кроме того, самобытность, неизменяемость, совершенство и вечность суть главные черты внутренней жизни Бога. Автор книги «Любовь Божественная», г. Беляев, говорит, что «предмет любви Божественной есть Сам же Бог» и что «Бог в Себе Самом имеет единственный предмет любви Своей, потому что Он есть Существо всесовершенное... Бог любит Себя как вместилище совершенств и Он должен любить Себя». Из слов автора как будто следует, что Бог самолюбив. Но мы увидим, что самолюбие чуждо Богу. Ибо оно является вниманием духа, обращенным только на себя, т. е. не жизнью любви, а смертью.

Оно служит не к самооткровению и самопреданности, но к самозамкнутости. Луч солнечного света не может быть обращен на солнце; и Божественная любовь, как стремление к самооткровению, не может быть обращена Богом на Него Самого. Как уже сказано, любовь есть безусловное отрицание эгоизма и самолюбия. Только в зеркале Своем, т. е. в свободной разумной твари, Бог может созерцать образ Свой и направлять на него любовь Свою или стремление сердца Своего. Правда, в Священном Писании нередко говорится, что все сделал «Господь ради Себя» (Притч. 16:4; Рим. 11:36), но это совсем не значит, что Господь все сотворил из любви к Себе Самому и для Своего удовольствия, поскольку Он ни в чем не нуждается. Здесь нужно разуметь, что проявление жизни и совершенств Божества производит множество живых существ, и это называется созданием, творением.

А потому проникновение в духовный и вещественный миры со всеми населяющими их существами составляет необходимую потребность существа Божия и Его любви. Оно есть как бы изливание от полноты божественных совершенств и любви, подобно изливанию света и теплоты от солнца.

Относительно внешних проявлений свойств и совершенств Божественной жизни любви Бог может быть или многоименным, или же безымянным. «Сам Бог, вопросившему Его в одном из таинственных

видений символического боговидения, на вопрос: «Как Тебе имя?» – строго сказал: «На что ты спрашиваешь о имени Моем? оно чудно» (Суд. 13:17–18; Быт. 32:29). И не есть ли оно, в самом деле, чудно, когда безымянно и выше «всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем?» (Еф. 1:21).

Как многоименного представляют Бога, говорящего о Себе: Я есмь Сущий, Жизнь, Свет, Бог, Истина. Когда богомудрые, воспевая Его, Виновника всего сущего, по отношению ко всему сотворенному Им называют Его многими именами: Благим, Премудрым, Возлюбленным, Богом богов, Господом, Святым, Вечным, Сущим, Творцом, Словом, Знающим, Силой, Властелином, Царем, Нестареющим, Спасением, Правдой, Избавителем. Еще говорят, что Бог пребывает в умах, душах, в телах, и на небе, и на земле. И в то же время Он есть один и тот же, внутримирный, околомирный, Премирный, Пресущественный. Он все, что есть»³.

Кроме того, в Священном Писании и особенно в молитвословиях Бог именуется Милостивым, Милующим, Щедрым, Благоговеющим, Милосердным, Долготерпеливым, Праведным, Истиной, Верным, Спасителем, Искупителем, Пастырем, Хранителем, Стражем, Заступником, Щитом, Покровом, Прибежищем, Миром, Терпеливым, Кротким, Отцом, Святым, Истинным.

Имен Божиих в Священном Писании и молитвах насчитывается более двухсот, и в них выражаются свойства и совершенства Божественного Существа. Но при этом они не могут обрисовать вполне Божества, ибо Бог неописуем и свойства Его неисчислимы. А потому Сам Бог дает Себе наименование, изображающее всю жизнь Божества, – такое, где сосредотачиваются все Его наименования и через которое имя Божие становится доступным пониманию человека. Имя это есть Любовь (1Ин. 4:8; 2Кор. 13:11; 1Ин. 4:7, 16). Наименование Бога этим словом выражает стремления и проявления всех свойств и совершенств Его и обрисовывает весь образ жизни Его (Кол. 3:14).

Все вышеупомянутые имена Божии суть только выражения всякого рода проявлений любви Его к человеку и человеческой жизни. Поэтому и говорится в Священном Писании, что «Бог есть Любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1Ин. 4:16). А потому любовь составляет жизнь души (см. 1Ин. 3:14). Потому же самому «кто не любит, тот не познал Бога» (см. 1Ин. 4:8), ибо любовь изливается «в сердца» человеческие «Духом Святым» (Рим. 5:5). Блаженный Августин именует Духа Святого по преимуществу Любовью⁴.

Любовь в Боге столь же свободна, сколько и неприменна; она есть стремление Божественной природы к проявлению своей внутренней

жизни со свойствами и совершенствами ее – сила, все созидаящая и все объединяющая. Любовь в Боге есть безусловное отрицание эгоизма, источник нравственного настроения и нравственной жизни; она есть возбудитель всех сил Божества, Его разума и воли к вполне согласному действию, при полнейшем спокойствии Духа, и производит в Нем ощущение полного блаженства. Самая жизнь Божества есть деятельность Духа Его, возбуждаемая любовью. Где нет любви, там нет и быть не может истинной жизни.

Как сказано выше, стремление Существа Божия к самооткровению именуется любовью и составляет жизнь Божества. Поэтому мы будем именовать Божественную жизнь жизнью любви. Божественная жизнь любви есть та область, в которой должно пребывать всякое бытие, получившее свое начало от Бога, все Им созданное. Ибо Бог есть единственный Источник жизни, и все создания Его должны проявлять в себе Божественную жизнь любви и тем содействовать Богу в Его самооткровении, т.е. быть проводниками свойств и совершенств Его в жизнь всей вселенной.

Эта нравственная обязанность лежит преимущественно на свободных разумных созданиях Божиих: Ангелах и людях. В ней заключается истинное служение Богу разумных тварей, что для них самих составляет славу и наивысшее блаженство.

Все твари, особенно разумные и свободные, должны жить единой с Богом жизнью любви, так как изначально все они оживотворены Самим Богом. Дух человеческий должен сохранять в себе стремление к самооткровению и самопреданности. В случае же ослабления стремлений духа к проявлению и развитию свойств жизни любви, в человеке, в его существовании должна была произойти катастрофа, так как в нем произошло бы нарушение закона жизни Божества, именуемого Правдой Божией.

Нарушение этого закона в человеке не могло не иметь дурных последствий для самого нарушителя, и вместо блаженства произвело в жизни его страдания и всякий беспорядок, и закончилось смертью, заканчивающей всякую деятельность духа. Это подобно тому как нарушение правильности течения крови в естественном организме производит страдания, сокращает и даже прекращает жизнь.

Итак, Божеству присуще стремление к самооткровению, раскрытие свойств и совершенств Духа Его, т.е. нравственного образа Его, а равно проявление Своих сил и всемогущества. Результатом или последствием такого стремления Божества явились мир духовный и мир вещественный.

Силы Божественные образовали духовно естественные элементы для мира духовного и мира вещественного. Жизнь Божественной

любви произвела из себя и породила личные духовные существа, живущие единой жизнью с Богом и отпечатлевающие в себе образ и подобие Творца любовью и проявлением ее в своей жизни.

Отношение между Творцом и тварями должно быть такое же, какое между солнцем и всеми существами вещественного мира, освещаемыми им и согреваемыми, сообразно свойству и восприимчивости их к свету.

Как солнце не может не светить и не отражаться в чистых предметах, так и Господь Бог не может не проявляться жизнью любви и не отражаться в существах мира, сообразно восприимчивости их и чистоте.

Солнце подает существам мира силы, свойства и образы до полного отображения себя в чистых, светлых предметах. Точно так же и Бог подает всякому разумному существу образ и свойства своей Божественной жизни до полного отображения в чистом сердце разумных тварей. А потому куда простирается Божественная жизнь любви и кем она воспринимается, в том присутствует Сам Бог. «Вообще, отношение Бога к миру и особенно к человеку должно объясняться исходя из начал Божественной любви. И со стороны человека богопознание его может быть основано и развито лишь силой любви. О любви Божественной мы знаем гораздо более, чем о прочих свойствах и совершенствах Его существа, ибо в любви выражается существо и жизнь Божества особенно широко. А потому и само Божественное Откровение есть слово любви о любви же»⁵.

Как увидим далее, «сама любовь человеческая есть не только отображение, но даже проявление Божественной жизни любви в человеке. Любовь в Боге есть не действие одной только свободы, но натуральная необходимость и жизнь Его, равно как и свобода Его. Любовь есть стремление к тому, чтобы содержание существа Духа и жизнь Его получили место в жизни иных личностей и тварей. А все это совершается не ради самолюбия, но ради самообщения для развития жизни и блаженства. В любви же сокрыто стремление и ко взаимообщению для сохранения единства жизни в мыслях и чувствах»⁶. Таковы свойства Божественной жизни любви.

* * *

¹

Так объясняют любовь психологи и философы последнего времени.

²

Беляев. Любовь Божественная. С. 86.

³

Саблуков. Об именах Божиих. С. 33.

4

Блаженный Августин. Беседы о Св. Троице.

5

Беляев. Любовь Божественная. С. 96.

6

Там же.

Глава 3

Божественная свобода

Божественное Существо совершенно свободно, т.е. открыто проявляет Свои совершенства и не встречает никаких препятствий для самораскрытия и проявления свойств и сил во всей их совокупности. Божественная жизнь свободно проявляется, созидает все и вместе с тем сохраняет созидаемое в единстве жизни с собой.

Свободное, беспрепятственное стремление Божественной жизни к самооткровению и самопроявлению тождественно с волей Бога. Это стремление и воля в Боге едины, т.е. проявляют только прекрасные свойства Существа Божия и совершенства Его, или самую жизнь Его.

Хотя иногда говорят, что Бог делает, что хочет: «**Бог... все, что захотел, сотворил**» ([Пс. 113:11](#)), – и будто может сотворить все, но здесь нужно разуметь, что Бог хочет лишь сокрытого в Его Существо и сродного свойствам Его, и это проявляется в Его жизни любви. Ничего чуждого свойствам Существа Божия, внешнего Ему, Он сотворить не желает и не может, ибо творчество Его и желание, или воля, суть одно и то же. Проявление жизни и свойств Божества равносильно хотению – воле Его. А нехотения в Боге быть не может. Хотение и нехотение, т.е. раздвоение воли, появилось лишь в сердце отпадших от Божественной жизни Денницы и человека, когда в них образовалась отрицательная сторона жизни. Тогда только в жизни отпадших возникла несвободная свобода, хотение и нехотение, когда опытно познали падшие добро и зло, жизнь и смерть.

Говорят, что если бы не было свободы, то не было бы любви и добродетели, не было бы и понятия о добре и зле; а это было бы причиной того, чтобы не создавать разумных существ. «В Боге свобода тождественна с необходимостью; в Нем свобода всегда тождественна сама с собою»². А если так, то и в разумных тварях свобода должна быть такой, поскольку и в них проявляется та же Божественная жизнь, образ и подобие Божие. Но мы скажем, что если бы Божественное Существо не было открыто, просто (т.е. если бы Бог не открыл Самого Себя), то это было бы равносильно небытию Бога, ибо нельзя было бы познать Его. То же самое можно сказать и о духе человеческом: если бы он

свободно не проявлял себя в жизни своей, то нельзя было бы познать его жизнь и свойства. Не свобода сгубила Денницу и человека, а превратное направление их стремлений и воли умом их, омрачившимся от самомнения.

Вообще, жизнь Духа Бога такова, что она, проявляясь и как бы изливаясь из Существа Божия, производит бытие и жизнь во множественности и разнообразии.

Итак, Господь [Бог](#), первоисточник жизни Ангелов и человека, Виновник бытия всякой твари, есть личный невещественный Дух по Существу Своему, вечный по бытию Своему и самобытности. В Нем – вечное стремление к самооткровению, к раскрытию свойств и полноты совершенств Своих, что составляет Его любовь и жизнь. Он никогда не нарушает закона и проявлений жизни любви, а потому Свят, неизменяем. Он может проявлять Свою Божественную жизнь во всякой твари, потому Он вездесущ и всеведущ.

Благодаря отсутствию каких бы то ни было затруднений и препятствий к самораскрытию Божественных свойств и совершенств Своих, Он совершенно свободен. Потому что только в Нем источник жизни и потому что от Него произошло всякое существо, всякие предметы и вещи во всей вселенной, Он являет Собой центр вселенной, откуда исходит слава Его.

Жизнь Духа Бога любви составляет неизменный, вечный закон жизни для всякого духовного разумного существа и для всякой твари. Этот закон жизни Божества часто именуется в Св. Писании Правдой Божией, а отступление от него – ложью или заблуждением. Всякое живущее Божественной жизнью любви существо бывает счастливо и блаженно навеки.

Только Бог любви, Единый, в Троице поклоняемый, должен быть предметом веры для всякого разумного существа, и только Его Божественной жизнью любви должно жить всякое существо во вселенной, ибо иной истинной жизни нет.

* * *

7

Беляев. Любовь Божественная. С. 206.

Глава 22

Буддизм

Рядом с брамизмом стоит от него же возникший и развившийся в Индии буддизм, подобно брамизму уродующий жизнь человеческую. Вследствие чего две эти религии во многом между собой сходны; только браминский пантеизм у буддистов переходит в абсолютное отрицание Бога.

Буддизм в последнее время все более и более интересует современное общество. Его мораль хотят поставить выше морали христианской, которая есть Божественная любовь. Толкуют о близости буддизма с христианством, даже осмеливаются говорить о несамостоятельности христианства. Далее, делают попытки объяснить все события жизни Христа, руководствуясь буддийскими сказаниями. Почти никто не хочет обратить внимания на то, что буддизм, по большому счету, не может быть даже назван религией, т.е. союзом Бога с человеком по единству жизни, потому что он есть философское самообольщение.

Он есть только попытка ограниченного разума осмыслить и собственными силами разрешить загадку человеческой жизни. Но, повторим, религией он именоваться не может. Да и эта попытка объяснения бытия не была неслыханно новой и ни на что не похожей в кругу философских течений и религиозных представлений того времени. Будда жил убеждениями и воззрениями своего времени и окружающей его языческой среды, восприняв уже существовавшие идеи и понятия, он только немного переосмыслил их.

Однако решение Буддой великих задач, которые он перед собой поставил, вышло довольно оригинальным. Буддийская доктрина, хотя и включает в себе высокие мысли о любви и сострадании, все же является отрицательной по самому существу своему. Она не принимает не только дурные стороны жизни вообще, но даже саму жизнь, всякое проявление жизни. Идеи сострадания и любви в буддизме органически не связаны с его догмой, приписаны, вызваны голосом непосредственного чувства. Когда Будда стал почитаться как божество, этим идеям была придана видимость божественной всеобъемлющей полноты.

Идея самопожертвования перешла в идею воплощения будд. Особенно великое самолюбие Будды проявляется в его словах: «Где нет любви, там нет и страданий; те, которые ничего не любят на свете, те богаты радостью и свободны от горя». По его же собственному признанию, трудно сознать и усвоить себе во всей полноте то, до чего он дошел, почему и сам он был готов отказаться от проповеди своего

страшного учения. Но в этот момент ему явился как будто небесный посланник и убедил его в необходимости донести до людей истину.

По учению Будды, источник жизни заключается в жажде жить, или в воле; и эта жажда влечет новые и новые возрождения и заставляет человека вращаться в круговороте земного бытия, производящего страдания. А потому уничтожение воли, прекращение существования есть наилучшее состояние. По мнению буддистов, бытия нет – есть только существование: возникновение, происхождение, уничтожение и исчезновение, облеченные в разные формы. Все только форма: чувство, восприятие, мысли, сознание, прошедшее, настоящее, будущее, близкое, далекое – все пустая форма, дающая вид ложному бытию и обольщающая человека.

Гораздо вернее было бы, если бы Будда сказал, что вечное бытие только в Боге или Сам Бог, а в остальном во всем проявляется жизнь Его, свойства и совершенства Существа Его.

Со стремлением буддистов уничтожать самое бытие человека совсем уже несогласно их учение не убивать и не вредить никакому живому существу, не прелюбодействовать, не красть, не лгать и проч. Таким образом, в буддизме две идеи: идея бытия иллюзорного, отрицательного, являющегося ничем, и идея бытия этического, положительного, заключающего в себе нравственный миропорядок. Положительная идея возникает оттого, что человеческое сознание противится нигилистическому характеру буддизма.

Сам по себе Будда не изначальное высшее существо, создатель и зиждитель мира. Ибо, по буддистскому учению, мир не имеет ни начала, ни конца. Он создается и разрушается сам собой, по своим собственным, никем не предписанным законам. Но Будда самостоятельно через свое прозрение приобретает свойства высшего существа. Будда есть существо, усовершенствовавшее себя до степени божества. Не есть ли это самомнение и высшее самолюбие?!

Слово «нирвана» значит «угасание» и понимается как состояние радости и счастья. Чистое бытие, или буддийская пустота, есть то же, что небытие, ничто. Оно и не существует, и существует – ни одно, ни другое; истинная сущность его «нет». Пустота и отсутствие каких бы то ни было стремлений – вот идея буддизма. Дух, отрешенный от всякой деятельности, сосредоточивается в себе самом.

Путь к достижению идеи: ни о чем не думать, ни к чему не применяться мыслью – и это составляет святость. Если все разрешается в пустоту, то и человек только тогда получит спасение, когда сам себя обратит в пустоту. Однако, по учению того же буддизма, за подаяние милостыни будешь силен, за милостыню духовную встретишься с

Буддой и исполняться все твои желания (которые буддист должен в себе уничтожать).

Проповедуя совершенное уничтожение плоти и духа, буддизм тем не менее стремится к очень большому: из человека, обращающего себя в ничто, он делает попытку создать божество, т.е. существо, одаренное божественным достоинством, силой и могуществом.

Буддизм учит, что всякий, достигающий высших ступеней созерцания, вместе с тем приобретает способности и свойства божества; а потому буддист не хочет ничего считать выше человека. И все-таки, как только преимущество человека раскрывается в его самосознании, свобода духа и абсолютное стремление разума уничтожаются силами души и воли, тотчас же возрождается идея Божества: погребенный Бог воскресает из мертвых. Но только в буддизме воскресший бог – это сам человек, познавший высшие качества своего существа.

Стало быть, здесь проявляется наивысшее самолюбие, отрицающее Истинного Бога и желающее стать богом, уничтожив свое человечество. Однако и это эгоистичное стремление заканчивается бессмысленно – погружением в полнейшее равнодушие ко всем существам, без ненависти к одним и без любви к другим, к полному безразличию, где нет ни представления, ни непредставления. А таковых Господь извергнет из уст Своих (см. Откр. 3:16). Это самоубийство и, нужно сказать, самое бессмысленное и богопротивное, ибо Бог есть вечное бытие и жизнь, служащая источником всякой жизни под небесами.

Итак, буддизм отринул пантеистическую идею спасения, заключающуюся в учении о полном слиянии с божественной природой. Буддист спасается один, и вообще, по буддизму, спасение человека совершается силами самого же человека. Не есть ли это величайшее самомнение, самонадеянность и самолюбие, при всей уродливости мер, предпринимаемых для спасения.

Преобладающим мотивом христианского настроения является смирение, ненадеяние на себя, постоянное упование на Бога, стремление к единству жизни любви с Богом. Но у буддизма преобладающим мотивом является самонадеянность: «Я в мире чистый, я верховный учитель», – учит Будда. «Сами светите себе, сами охраняйте себя. Я оставлю вас, я отхожу, уповаю на одного лишь себя», – говорил он. «Нет мне подобного ни в мире людей, ни между богами нет мне подобного», – так высказывается Будда о самом себе. Буддист не нуждается в своей общине и, прозрев, стоит выше всяких законов и правил общины.

Основу буддизма составляют надуманные истины. Вот они. Весь мир и все существующее страдает от круговращения всех мировых сил

и жизни, а потому необходимо уничтожить страдание всего сущего. Ни Лица Бога, ни души в человеке нет, а под видом человека существует лишь сочетание элементов мировой силы. Источником страданий служит стремление, или воля, человека жить в форме ложного бытия. Но возникает вопрос, кто же чувствует страдания, если в человеке души нет и личного бытия – Бога – нет? В ком же нужно уничтожить страдание и кто именно страдает от круговращения сил и жизни, если Духа и самой жизни нет?

Но прирожденное Будде самолюбие в конце концов привело его через самосознание к учению о самообожествлении человека. А так как источником страданий, как уже сказано, является стремление существовать, то возникло учение о сознательном упразднении в себе при помощи ума и воли всевозможных жизненных проявлений.

Необходимым последствием такого взгляда явилось учение о спасении через превращение в пустоту, слияние с ней и, соответственно, выработка специальных средств спасения, ведущих человека к уничтожению сознания и слиянию его с небытием. Итак, сознание, исконное для духа человеческого стремление созерцать окружающее, силой было прикрыто от внешнего мира. Тогда оно, обратившись к созерцанию самого себя, здесь нашло идеальную сторону человеческого существа, возвышающую его над непостоянством бытия.

Таким образом, оно познало свободу и независимость духа от всего окружающего. И вот отсюда возникла идея самообожествления. Можно с уверенностью сказать, что подобное явление в буддизме произошло не без воздействия духа самолюбия, т.е. дьявола, враждующего против Бога. Ибо, увлекшись идеей самообожествления, буддизм устремился к достижению этой идеи посредством различных противоестественных упражнений и медитаций (по сути же, заклинаний), в которых, как известно, всегда действуют силы злобы.

Так, буддизм, первоначально стремившийся к самоуничтожению, перешел к обоготворению человека вообще. Однако буддист, даже приобретя сверхъестественные свойства, должен погрузиться в абсолютную пустоту, т.е. совершенно исчезнуть: божество и ничтожество суть два естества, совершенно исключаящие друг друга и всегда непримиримые, как жизнь и смерть или огонь и вода.

Сознание буддиста, созерцающего собственный дух и усматривающего в нем свободу и независимость от окружающих мировых сил, к сожалению, не могло признать того положения, что человек есть лишь проводник жизни Божественной любви, а не бог. В человеке должна только раскрываться и развиваться Божественная жизнь с ее свойствами и совершенствами, что и придает ему образ и

подобие Божии. Но эти образ и подобие Божии в человеке утратились через заражение его самолюбием, внушенным ему дьяволом, извратившим в себе Божественную жизнь и давшим ей превратное стремление и направление на самого себя.

Самомнение и самолюбие прежде в дьяволе, а потом и в человеке явилось силой настолько великой, что оно разъединило их с жизнью Бога, а вместе с тем лишило их и богоподобия. Отпадение человека от Божественной любви было настолько глубоким, что человек сам был не в силах восстановить союз с Богом. От расторжения этого союза он остался с жизнью только плотской, животной. Потому созерцание самого себя не могло приблизить человека к Божественной жизни и восстановить единство с ней.

Само учение буддизма о любви к животным и сострадании к ним есть не что иное, как самолюбие, ибо, любя их и сострадая им, буддисты страдают тем душам человеческим, которые вселились в них, согласно их учению. Нравственность буддизма, если она вообще есть, не высокого достоинства, ибо в ней повсюду просвечивает горделивое стремление к самообожествлению силой высшего духа, бытие которого тем не менее буддизм отвергает. Это стремление особенно вкоренилось в буддийской элите – в духовенстве.

Основная масса народа чужда подобных представлений – вся мораль рядового буддиста зиждется на страхе получить по смерти дурное перерождение. Духовенство же твердо верит, что с течением времени каждый человек непременно сделается божеством и в первую очередь, конечно, люди духовные. По этой причине буддийское духовенство особенно высокомерно относится к простому народу. Тем более что обожествление в будущем как будто достигается силой только самого духа человеческого.

Буддизм представляет собой постоянную борьбу с жизнью и стремлениями ее; тогда как христианство и сила его состоит в оживлении любовью умирающего и задыхающегося в самолюбии духа человеческого, ибо оно есть могучее оружие для уничтожения грехов и самолюбивых настроений. Христианин есть причастник Божественной жизни и пребывает в единении или союзе с Богом. Он сражается с самолюбием и с чувством собственного достоинства и в этой борьбе достигает величия по жизни любви в единении с Богом, становясь образом и подобием Его и сподобляясь силы Его.

Однако же буддизм можно признать одной из высших естественных языческих религий в силу ее стремлений познать существо своего духа, при уничтожении плотских страстей и неотразимых впечатлений греховного мира. Борьба Будды и умерщвление плоти привели его к результатам для него самого же

неожиданным: через углубление в себя он будто познал существо и свойство духа в том виде, в каком он вложен в его естественную природу Самим Творцом.

То есть он увидел свойства жизни высшего бытия, силу любви ко всему и сочувствия в страдании, необходимость пребывать в единой с Богом любви ко всему миру. Только это самосозерцание погубило Будду, ибо, рассматривая себя и дух свой, он отвратил взор свой от Создателя и Бога, а затем лишился всякого представления о Нем.

Отвергнув же сверхчувственное бытие и Создателя, Будда своими собственными силами не мог прозреть в себе образа и подобия Бога Творца, Первоисточника жизни, которую он призван не уничтожать, а проявлять и развивать. Будда не имел руководителя на пути к источнику Божественной жизни, а потому заблудился во мраке самолюбивого, греховного человеческого естества. Не поняв обязанности человека служить Богу, он стал служить только себе, до полного отрицания Божества.

Правда, великими подвигами борьбы с плотскими страстями Будда несколько восстановил восприимчивость своей души. Потому она хоть и слабо, но стала проявлять в себе свойства любви. Однако для полного восстановления чистоты и восприимчивости сердца требовалась Божья помощь, которой он не имел, не ведая Истинного Бога.

Итак, буддизм, несмотря на свои духовные стремления, не может быть отнесен к жизни Божественной, ибо он принадлежит к области самолюбия, стремясь к уничтожению человеческого бытия, а следовательно, не содействует развитию Божественной любви в мире.

Глава 23

Верование Зороастра

О жизни Зороастра кратко рассказывается так. Зороастр родился в Персии у богатых родителей. Рождение его будто было предзнаменовано таинственными явлениями и сновидениями. Зороастр родился в царствование персидского царя Дария Гистаспа. В молодости своей он был невольником у одного из пророков израильских, Даниила или Иезекииля, от которого он старался научиться книжному учению и мудрости. Благодаря этому же пророку он познакомился с Законом Моисея и со всеми обетованиями, данными Богом народу еврейскому. Но за свою непокорность и грубость Зороастр был проклят и прогнан пророком.

Пользуясь своими познаниями и, как ему казалось, мудростью, Зороастр задумал произвести реформу жизни персов, государственную, общественную и семейную, т.е. создать нечто вроде религии. Почему, для обдумывания своих планов, удалился в горы, где получил вдохновение от некоего божества: он путешествовал на небо к престолу Ормузда. Зороастр будто мог творить чудеса: из тела лошади вырастали четыре ноги и снова входили в нее; из его собственной груди вытекала медь. Его уважали звери. Чудесами своими он привлек на свою сторону царя, а за ним и народ. Но Зороастр сильно боялся огня. Он проповедовал около четырех-пяти лет. Суеверия, фанатизм и мучение обесчестили конец его жизни. Зороастр был математик и астроном, равно занимался и астрологией, за что сограждане, чтители светил небесных, глубоко уважали его. У персов в то время астрономия была равноценна богословию.

По учению Зороастра, только время без границ, только оно одно не сотворено, не имеет начала, а потому нет ничего выше его; оно всегда было и будет. Время – производитель существ; оно родило свет и огонь, от которых вместе произошел бог Ормузд. Ормузд – существо доброе, а Ариман – злое.

Зороастр доказывает необходимость борьбы с Ариманом; утверждает, что человек свободен, что на нем лежит первородный грех; верит в бессмертие души. Равно он признает существованиерая для праведных и ада для грешных, но мучения в аду не считает бесконечными.

Души людей, по Зороастру, созданы от вечности, т.е. прежде возникновения видимого мира, и входят в тело, когда оно образуется в утробе матери. Может быть, поэтому брак для девицы у Зороастра обязателен. При браках у персов нет строгого разбора родства. За неповиновение законам допускаются жестокие наказания: «Да будет разрезано тело преступника сверху донизу; ремни из кожи лошадиной и верблюжьей да будут орудием казни и давать ему удары от 300, 600, 700 и до 1000».

Таким образом, и эту вероисповедную систему с ее последователями нельзя причислить к области жизни Божественной любви, ибо как в жизни вероучителя, Зороастра, так и в жизни его последователей преобладает самолюбие.

Глава 24

Ислам

Иудейско-языческая вероисповедная система ислама есть изобретение Мухаммеда, самозваного арабского пророка. Как известно, Мухаммед происходил из уважаемого арабами племени, из рода Корейшитов, князей города Мекки и стражей Каабы – великого языческого святилища и пантеона арабов. Отец Мухаммеда, Абдула, был из язычников; мать, Амина, по мнению некоторых исследователей, была иудейкой. Мухаммед родился в Мекке в апреле 571 года, а умер в 634 году, отравленный одной из своих жен. Через два месяца после рождения Мухаммеда отец его умер, а через шесть лет умерла и мать. Мухаммед воспитывался у деда своего Абдул-Муталеба, а потом у дяди Абуалеба; вырос среди язычников и до сорока лет оставался язычником.

Мухаммед был от природы даровит, но грамоте не обучился до самой смерти своей. Сирота и бедняк, Мухаммед нередко пас скот. Однако же судьба как будто покровительствовала ему. Около 25-ти лет он женился на богатой вдове, по имени Хадиджа, и занялся торговлей, а потому нередко разъезжал по Аравии и бывал у поселившихся там евреев, бежавших из Иерусалима и окрестностей его после разрушения города.

Одаренный и любознательный от природы, Мухаммед, сознавая пустоту язычества, старался в подробности ознакомиться с верой и обрядами евреев. В изучении иудаизма Мухаммеду не мало содействовали Варака и Бахира, или Сергей, несторианский монах, – грамотные, по тогдашним меркам очень образованные мужи, часто навещавшие его. Варака был язычником, а потом принял иудейство и даже христианство. Бахира отчасти знал иудейство и христианство.

Получив довольно подробные сведения об иудействе, запомнив биографические рассказы и описания жизни иудейских пророков, особенно же верующего Авраама, Моисея, Давида и прочих патриархов, Мухаммед полюбил эту веру и обрядность ее. Особенно же пленило Мухаммеда верование евреев в Единого Бога и множество у них писаний пророков с законодателем Моисеем во главе и Давидом, великим молитвенником. Нет никакого сомнения, что евреи немало читали Мухаммеду из писаний своих пророков. И вот, по-видимому, особенное внимание Мухаммеда обратило на себя то обстоятельство, что многие из иудейских пророков, а особенно великие пророки Моисей и Давид, в молодости были пастухами. «Ведь и я был пастухом, – видимо, думал Мухаммед, – а потому не пророк ли я?» От арабов он ни слова не слышал, были ли от Бога посланники собственно к этому народу.

Правда, арабское предание, подтвержденное рассказами евреев, говорило ему, что родоначальник их, Измаил, был сыном Авраама, отца верующих. Стало быть, арабы с евреями состоят в родстве. А отсюда уже недалеко было и до признания веры еврейской своей собственной, народной, арабской, истинной верой в Единого Бога, вместо великого множества языческих богов, которым он до сего времени поклонялся, под видом мертвых истуканов хранившихся во множестве в «запретном мольбище» – Каабе.

Впечатлительному Мухаммеду пришлось призадуматься. При этом начало сильно пробуждаться в нем самолюбие, в силу которого свои познания о вере Авраамовой он поставил себе в великую заслугу и даже вообразил, что из арабов таковых познаний о Едином Боге и о пророках Его до сего времени никто еще не имел.

Горячая его фантазия начинала усиленно работать в этом направлении: «Ведь я много теперь знаю о Едином Боге, Его пророках и писаниях их. Нужно потрудиться для блага своего народа: уничтожить его многобожие – эту пустую веру в истуканов. Верно, Сам Бог меня поставляет для моего народа посланником и пророком. Нужно только составить книгу».

Пылкие мечтания Мухаммеда нередко еще подогревали и Бахира с Варакой, открыто ему высказывавшие свои о том же предположения, а может быть, и нарочито к тому подготовляли его, желая использовать в своих корыстных целях.

Подобные разговоры часто слышала и жена Мухаммеда, Хадиджа, которая так любила мужа, что готова была соглашаться со всеми добрыми мнениями посторонних лиц о нем.

Мухаммед и его жена настолько увлеклись этой фантазией, что она все больше признавалась ими за действительность.

Этому немало содействовала и симпатия к Мухаммеду со стороны окружающих его людей, восхищавшихся его кротостью, лаской, всегдашним благоразумием и услужливостью. При этом он всегда был расположен к нищим, не скупился на милостыню, ибо сам испытал некогда, как тяжела бедность.

Чтобы составить книгу, по мнению Мухаммеда необходимую принадлежность каждого пророка, Мухаммед заставлял своего грамотного родственника Омара и друга Вараку записывать мнимые божественные откровения ему о различных людях и событиях, описанных в Библии. Каждый сообщенный ему рассказ он выдавал за богооткровенную истину, принесенную ему с неба Архангелом Гавриилом. А этих «истин» он слышал от евреев множество, в особенности же апокрифических рассказов о земной жизни Иисуса Христа.

И вот каждый из этих рассказов, записанный на отдельном листке, хранился в беспорядке у жен Мухаммеда Хавсы и Хадиджи и у самого Абубекра, записывавшего их. В течение продолжительной мнимой пророческой деятельности Мухаммеда этих рассказов накопилось много, которые после смерти Мухаммеда и были собраны и в беспорядке соединены в одну книгу, получившую название Коран, т.е. «книга для чтения», или просто «чтение».

Пророком Мухаммед был признан сначала женой его, а потом ближайшими родственниками, которые никогда прежде не слыхивали о вере и обрядах евреев, а потому рассказы Мухаммеда, пожалуй, искренно принимали за откровения Архангела Гавриила, получившего значение посредника между Мухаммедом и Богом. Мухаммеду неоднократно приходилось слышать, что в событиях рождения и жизни Христа Архангел Гавриил, по повелению Божию, являлся благовестником Пресвятой Деве Марии и служил Самому Христу.

Почему же ему, одному из пророков и последнему из посланников, не включить Архангела Гавриила в число служителей своих? И тем более это было необходимо сделать, что он считал себя выше даже Христа; а если бы и ему не служил Гавриил, то он остался бы в числе низших Христа посланников, чего не могло допустить быстро развивавшееся в нем самолюбие.

Прежде добрый, приветливый, услужливый, Мухаммед, как только признали в нем пророка жена его, родственники и рабы, становится все более и более самолюбивым; во всех его действиях начинает проявляться честолюбие, жестокость и страсть. Когда же влияние его и значение в глазах народа усилилось, он сделался фанатиком своего пророческого служения и превратился в раздраженного честолюбца; он начал проповедовать, будто Бог повелел ему распространять учение свое – ислам – огнем и мечом.

«Меч, – говорил он, – есть ключ неба и ада; капля крови, пролитая в битве для Бога, одна ночь, проведенная под оружием, будет иметь более цены, чем два месяца поста и молитвы; павший на поле битвы получит совершенное прощение грехов; впоследствии его раны получат блеск сурика и будут издавать благоухание мускуса, и крылья Ангелов и Херувимов заменят ему члены, потерянные на войне».

Словом, с усилением влияния Мухаммеда в общественной жизни, его кроткий, услужливый и добродетельный характер резко изменился. Сначала эти добродетели в нем, уже как в пророке, были неискренни и заискивающи, дабы сильнее влиять на приверженцев и склонять на свою сторону других людей. Но во второй половине своей деятельности он совершенно изменился, все лучшие черты характера его исчезли. Как ни сильно на него было влияние со стороны иудаизма, однако же

его языческая самолюбивая сущность осталась в нем не тронутой иудаизмом – он остался язычником по образу жизни.

Только иудейская вера в Единого Бога крепко запечатлелась в нем, и религиозные обряды иудеев были приняты Мухаммедом, особенно же принесение жертв и обрезание, по преданию от Измаила сохранившееся в народе. Только проповедь единобожия, вместо многобожия, и своего собственного посланничества составляет мнимое пророческое служение Мухаммеда. Но в проповеди единобожия его язычество все же отразилось. Так, он Самого Единого Бога сделал языческим пантеоном.

Известно, что у язычников почти каждая греховная страсть была олицетворена в божестве войны, пьянство, разврат, музыка. Всех языческих божеств было более ста, и на каждую плотскую страсть приходилось по божеству. И вот, все эти божества Мухаммед включил в Единое Божество, когда в своем вероучении говорил, что добро и зло от Бога; что какой бы грех ни совершал человек, он совершает его по предопределению Самого Бога, ибо сам человек не может делать ничего.

Так, вздумает ли человек сделать какое-либо добро, Бог тотчас возбуждает в руке его силу, и человек приводит мысль свою в исполнение; Бог Сам возбуждает в нем энергию и дает ему силу для исполнения своих желаний. Таким образом, чтобы ни сделал человек, он делает это по возбуждению в нем энергии и силы Самим Богом. А отсюда выходит, что Сам Бог через человека совершает грехи. Например, захочет человек выпить водки, Бог дает ему силу налить и выпить; вздумает ли он совершить любодеяние, Бог дает ему энергию и для выполнения этого действия.

Словом, чем у язычников распоряжались их божества, всем тем у Мухаммеда распоряжается его единый бог. Вероятно, в силу этого самолюбивого языческого убеждения, Мухаммед не стесняется в выборе средств для выполнения своих честолюбивых замыслов и удовлетворения своих плотских страстей.

Таким образом, распространение ислама огнем и мечом, страсть к мщению, наживе и сладострастью были главными чертами, характеризующими Мухаммеда. Хотя сторонники его и говорят, что он был мягкого характера и высокого стремления духа, но верить этому не приходится. Потому что на самом деле он был страстным, мстительным, даже кровожадным, с сильной жаждой наживы и добычи, в силу которой сделал постановление брать себе пятую часть всей военной добычи и лучших пленниц определял себе в наложницы, будто получив на то особое откровение от Бога.

Побуждаемый этой страстью и самолюбием, прикрываясь целью распространения веры в Единого Бога и уничтожения язычества среди арабов, а в сущности удовлетворяя своему непомерному честолюбию, не стесняясь в выборе средств, Мухаммед обращает свое оружие даже против других народов Аравии. Его победа в сражении при Бедре дала ему или его самолюбию и гордости особенно сильный толчок, потому что повысила его авторитет и поставила в то ненормальное положение, в котором с самозванством пророка он соединил власть деспота, чего никогда не бывало в излюбленном им иудействе. Он не страшился даже убийств для уничтожения врагов и осуществления честолюбивых целей.

Из того, что делал и как жил Мухаммед, видно, что религия для него была лишь средством для удовлетворения честолюбия. От своих плотских страстей он не мог освободиться до самой смерти своей. Уже больной, он был ревнив, постоянно проводил дни среди своих жен, переходя ежедневно от одной к другой, и таким образом своим примером утвердил в среде своих последователей многоженство и узаконил взятие наложниц, даже гаремы.

Для своих кровожадных целей он счел нужным освятить связи солдат с пленницами. Яркими картинками будущих чувственных наград он возбуждал и увлекал воображение своих последователей. Такой покровитель разнузданных страстей мог ли быть проповедником чистой Божественной жизни? Каково дерево – таков и плод, каков учитель – таково и учение ислама. Потому Мухаммед не мог проповедовать чистую жизнь Божественной любви, ибо из мутного источника всегда течет мутная вода.

Из описания жизни Мухаммеда ясно, что он стремился так или иначе, хорошими или дурными средствами обратить на себя внимание народа, иметь на него влияние и сделать его своим орудием. А для этого он пускал в ход и обман, и хитрость, и силу оружия, давал поблажку чувственности, к которой и сам был весьма склонен. И все это богохульно освящалось именем Божиим как заповеди Его. Мухаммед не понимал, что в заповедях для жизни человека должна выражаться жизнь Самого Бога и свойства Существа Его как Первоисточника жизни человека. Но Мухаммед поучал арабов своей собственной, самолюбивой жизнью. Страстный в жизни, он таковым остается и в учении своем, научая и своих последователей быть страстными.

Источник: Любовь – сущность христианства : Православие и другие религии / священномученик Александр Миропольский – Москва : Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского, 2003. – 223 с.

г. Касли, старинное фото

PS:

С этим городом на Урале Господь меня связал с 1978 года. По середине 1990-х регулярно ездил в Касли к близким мне людям. Помогал на клиросе именно в Успенском соборе во время своих отпусков (собор – справа, самый высокий)... (ВЦ).